

Дмитрий Сергеевич Шевский, аспирант школы политических наук НИУ

ВШЭ

Текст доклада для презентации на тему "Структурно-демографический механизм государственного брейкдауна (теория и эмпирика)"

Механизмы государственной дезинтеграции (state breakdown)

Введение

Постижение закономерностей крушения государств – одна из важнейших тем в социо-гуманитарном знании и значимость ее только возрастает, особенно после событий арабской весны и того, что произошло в Украине в 2014.

Прежде всего проясним терминологический аппарат. Под государством мы предлагаем понимать территориальное целое с централизованным и профессиональным аппаратом управления (включая и монополию на средства насилия), признающееся легитимным и имеющим признанную населением идеологию (самоописание [Луман, 2007]). Аппарат управления для своего успешного (но не обязательно эффективного) функционирования должен иметь хотя бы минимальную степень согласованности действий элит, а также осуществлять сбор налогов.

Исходя из такого понимания государства, мы разработали следующие критерии для идентификации государственного брейкдауна:

- 1) смена самоописания
- 2) раскол элит
- 3) фискальный кризис
- 4) массовые восстания
- 5) территориальный распад

В качестве исследовательской призмы мы будем опираться на открытия и достижения макросоциологии¹, что позволит реконструировать последовательность (механизм) государственной дезинтеграции.

Механизмы государственного брейкдауна

Так как любая социальная система строится на самоописании, то есть дискурсе, разграничивающим саму систему и окружающую среду, то важнейшим этапом, в

¹Макросоциология – «междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [Розов, 2009: 151]. Более подробно об истории и целях этой науки см., напр.: (Лахман 2014; Smith 1991)

крушении государства становится смена самоописания, которое возможно только при наступлении делегитимации нынешней системы. Делегитимация – это потеря доверия элит и/ или населения к власти, институтам и почти всегда к самому режиму.

Что вызывает делегитимацию? Делегитимацию вызывает множество факторов, но важно отметить, что никакой оппозиционный дискурс, способный вызывать делегитимацию, невозможен без конфликта элит. Как показали исследования в макросоциологии, конфликт элит важен в двух аспектах: 1) среди части элиты должны быть выразители дискурса «культуры восстания и оппозиции»[Foran, 1997] 2) при слаженном действии элит массовые восстания будут обречены на неудачу[Lachmann, 1997].

Почему происходит конфликт элит? Ответ очевиден – острая борьба за властные позиции в политической иерархии вызвана стремлением к получению дополнительных ресурсов, как символических, так и материальных. Необходимо понять, что вызывает недостаточность ресурсов в определенные периоды. И на этом этапе вычленения механизмов и обнаруживается развилка, так как, группируя различные причины нехватки ресурсов среди элиты, условно можно выделить две фундаментальные, которые подсказывает элементарная логика. Это внешние причины и внутренние.

Под экзогенной причиной мы понимаем геополитическое перенапряжение. Несмотря на то, что геополитика как наука находится под вопросом в научной среде, данный концепт не имеет ничего общего с конъюнктурой, а скорее является разделом политической социологии. Проблема геополитического перенапряжения на большом количестве материала была рассмотрена многими исследователями (см., напр.[Collins 1981, 2011; Kennedy 1987; Skocpol 1979]). Наиболее последовательно теория геополитического перенапряжения описана в статье Р. Коллинза 1995 года для анализа крушения СССР [Collins 1995; Коллинз 2000]. На основе веберовского понятия государства (монополия на легальное насилие) выводятся геополитические принципы, суть которых сводится к следующему: государство, находясь на территориальной, либо социальной окраине, имеет меньше фронтов для ведения войн, что способствует возможности сосредоточения ресурсов для более эффективного захвата определенных территорий. Но в связи с расширением государство теряет свое окраинное преимущество и вынуждено тратить все большее количество ресурсов на охрану своих территорий. Более того, расширение может пройти ту точку, когда ресурсы от вновь присоединенных земель становятся недостаточными для поддержания существующего порядка. Усугубить положение может даже незначительная война, которая окончательно перенапрягает силы государства – «чрезмерное расширение ведет к ресурсному напряжению и

государственной дезинтеграции» [Коллинз, 2000: 241]. Сам механизм распада Коллинз Р. видит в потере легитимности власти, что, как считает автор, является дополнением к другим моделям распада государств [там же: 249]. Распад государства в этой теории представляет собой петлю обратной связи: геополитическое перенапряжение вызывает нехватку ресурсов, в результате чего начинается элитный конфликт за эти ресурсы, который в итоге усугубляет фискальный кризис. Происходит «мобилизация оппозиционных классовых сил снизу» в поддержку одной из элит, и государство прекращает свое существование в прежнем виде.

Кратко: геополитическое перенапряжение проявляет себя в ориентации бюджета на военную сферу (здесь можно вспомнить военные траты в поздний период правления Антониу ди Салазара в Португалии, доходящие до 30% всего бюджета), усиление роли представителей военно-промышленного комплекса, превалирование милитаристской риторики. Примат внешней политики приводит к ослаблению социальной политики, росту задолженности (как внешней, так и внутренней), торговым блокадам (что пытался сделать, например, Наполеон в отношении Британии), а соответственно и к недовольству как простого населения, так и элит, не представляющих интересы ВПК.

Эндогенная причина – это «деградация» правящего класса – процесс, который описан множеством исследователей. В современной макросоциологии эту причину ставит во главу угла т. наз. «структурно-демографическая теория» (см., напр. [Goldstone 1991, 2017; Turchin 2013; Turchin, Nefedov 2009; Нефедов 2007, 2008а; Турчин 2010]). Она изначально была создана для анализа динамики аграрных государств, но стала активно применяться и для современных случаев (см., напр. [Коротаев, Зинькина 2011, 2011а; Turchin 2016]). Построенная на идеях классического мальтузианства о перенаселенности, как главном факторе нестабильности, данная теория анализирует корреляцию между фактором перенаселенности и действиями элит. Рост населения ведет к малоземелью в сельской местности, а миграции в города для разрешения этой проблемы – к падению реальной заработной платы из-за роста незанятой рабочей силы. Соответственно, вызванная инфляция уменьшает поступления в казну, вынуждая государства увеличивать налогообложение, что вызывает недовольство как среди простого населения, так и среди элиты [Goldstone, 1991: 24-25; 459]. Более того, численность элиты также увеличивается, дополнительно усиливая нагрузку на государственный бюджет из-за необходимости ее содержать. Это вызывает раскол и борьбу среди элит за убывающие ресурсы и одновременно усиливает эксплуатацию низших слоев населения [Goldstone, 1991: 459 – 460].

Однако в современных реалиях интересна вторая важная составляющая теории – взаимодействие между растущим числом представителей элит и государством с одной стороны и населением с другой. Главное условие – элиты стремятся к перераспределению ресурсов (других представителей элит или государства) при относительном их обеднении. Не всегда обязательно конфликт элит вызывается именно их перепроизводством, то есть когда претендентов на элитный статус значительно больше, чем возможностей реализовать это.

Описанные две динамики, связанные с геополитикой и структурно-демографическими факторами, не противоречат друг другу, а даже наоборот, взаимодополняемые [Турчин, 2010]. Но все же, в некоторых государствах превалирует либо один фактор, либо другой. Так, например, динамика Египта Нового Царства, Византии, Украины лучше описывается в рамках структурно-демографической теории, а, например, для объяснения динамики Империи Сасанидов, Австро-Венгрии, Эфиопии до 1991 года и СССР больше подходит геополитическая трактовка.

Возникает вопрос – почему в одних случаях фактором, вызывающим нехватку ресурсов, становятся внешние причины, а иногда и действия самих элит, не связанные с окружающим миром?

На наш взгляд, ключевую роль в этом процессе играет положение элит относительно аппарата управления, а именно – является ли элита частью государства, или же посредником между основной массой населения и центральным аппаратом. Соотношение определяется через подчиненность средств материального производства либо государству, которое обеспечивает доступ к ним элите, либо же элита пользуется ими без оглядки на вышестоящие управленческие институты [Вебер, 1990: 649]. Соответственно, гипотезу можно сформулировать так: **при подчиненности элиты государству больше будет сказываться геополитическое перенапряжение, как причина нехватки ресурсов, во втором же случае, элиты, не имея жесткого контроля над собой, будут стремиться к накоплению ресурсов и увеличению своей численности, что больше соответствует динамике в рамках структурно-демографической теории.**

Для понимания того, как действуют механизмы, мы обратимся к двум схожим по многим параметрам странам, которые имеют абсолютно разную политическую динамику – Украине времен Януковича и современной России. Если Украина пережила политическую дезинтеграцию (state breakdown), то Россия была выбрана ввиду относительной легкости работы с источниковой базой, а так же потому, что ввиду

большого мирового научного интереса, описываемые ниже механизмы относительно хорошо исследованы (несмотря на то, что и не привели к дестабилизации).

Структурно-демографический механизм: Украина

Сложившиеся в Украине практики взаимодействия экономических элит и государства были ориентированы в первую очередь на обслуживание интересов олигархов, по крайней мере до 2011 года. Высокой степени олигархизации украинской политики посвящено множество работ (см., напр.[Aslund, 2014; Matuszak, 2014; Pleines, 2016, Kuzio, 2015, 2016] и др.), но наиболее важным аспектом политической системы является ее клановость. Исследователи выявляют различные группы интересов, одни говорят о трех группах [Matuszak, 2014, p.13], другие о четырех [Зоткин, 2012, с.291; Sakwa, 2015, p.63], но основная линия соперничества проходила между двумя кланами – т. наз. днепропетровским и донецким [Marples, 2015, p.13]. Специфика этого соперничества заключалась в том, что приход одной группы означал собой отстранение от властных постов представителей другой. Если остановиться кратко на основных представителях каждой группы, то в днепропетровскую входили: Л. Д. Кучма, П. И. Лазаренко, И. В. Коломойский, В. М. Пинчук, Ю.В. Тимошенко и др., а в донецкую: Н. Я. Азаров, В. Ф. Янукович, Р. Л. Ахметов и др.

Массовые кадровые изменения на высшем и региональном уровнях происходили в 2005 году (усиление днепропетровского клана) и в 2010 (приход к власти представителя донецкого клана). Такая система с некоторыми сбоями, но работала, пока Янукович не решил, как полагают некоторые эксперты, ослабить влияние олигархов. Практически по единодушному мнению аналитиков, президент Украины или его сын, пытался создать новый клан, получивший название «семья». Несмотря на значительную долю спекуляций и невозможность проверки данных, исследователи согласны в том, что политика «семьи» шла вразрез с интересами если не всех, то многих олигархов. Какие убедительные доказательства-примеры можно привести? Если обратиться к статистике, то окажется, что при Януковиче возрос уровень криминализации бизнеса. Так, в 2010 году было заявлено о 75 случаях рейдерского захвата компаний, а в следующем году уже почти 1000 [Matuszak, 2014, p. 58]. Конечно, однозначно трудно утверждать, что это результат формирования нового, президентского, клана [Rojansky, 2014, p.423], однако, цифры настолько значительны, что игнорировать их нельзя.

Могло ли получиться так, что «семья Януковича» здесь ни при чем, а все это «преференции» донецкому клану за поддержку на выборах? Есть основания полагать, что вряд ли. Так, например, государственные предприятия («Центрэнерго» и

«Донбассэнерго») ранее закупили уголь преимущественно у госкомпаний («Уголь Украины») и у частной «ДТЭК-Трејдинг», владелец которой – Ахметов. С усилением власти Януковича, государство стало закупать уголь у компаний, так или иначе связанных с сыном президента, обойдя Ахметова. Важно отметить, что если компания Ахметова в 2013 году предлагала государственному предприятию «Донуглереструктуризация» цену за запрашиваемый объем угля (153,5 тонны) в 92 млн.грн, то компания, связанная с Александром Януковичем выиграла тендер с ценой 221 млн.грн, Этот факт не может не свидетельствовать о том, что государство шло против интересов богатейшего жителя страны и главного спонсора правящей партии [Forbes, 2013 с; Forbes, 2013 d;]. Если посмотреть на 15 глав министерств, назначенных Януковичем в конце 2012 года, то связанных с «семьей» окажется 7, и только 4 были связаны с Ахметовым [Forbes, 2012].

Помимо этого с избранием нового президента усилилось преследование представителей оппозиционного клана. В этом контексте часто вспоминают арест Тимошенко, но ведь были еще и арест бывшего главы МВД Ю. В. Луценко, заместителя министра юстиции Е. В. Корнейчука, председателя таможенной службы А. В. Макаренко и др.

Для анализа воспользуемся таблицей, которую представил политолог Хайко Пляйнес, состоящую из имен 29 олигархов, то есть богатых людей, которые оказывают влияние на политику ([Pleines, dataset, 2016], о методике подсчета см. [Pleines, 2016]). Если оставить только тех, кто был и до прихода к власти Януковича (таких оказалось 14), то выяснится, что их совокупное состояние (по данным Форбс) уменьшилось с 30 млрд. 290 млн. долларов в 2011 году до 29 млрд. 738 млн. в 2013. Более того, из тех 9 олигархов, состояние которых уменьшилось, 6 очевидно были так или иначе связаны с официальной властью. В то же самое время состояние сына президента Александра Януковича выросло с 99 млн. долларов в 2012 году до 187 млн. к апрелю следующего года, а в ноябре 2013 уже составляло 510 млн., то есть увеличилось за полгода почти на 173% [Forbes, 2013 e].

Таким образом становится очевидным, что причины для конфликта элит против государства имели под собой достаточно сильные основания. Формирование нового «клана» – приближенных к президенту людей, перенаправление денежных потоков в сторону «семьи» [Wilson, 2014, p. 54-58], достаточно жесткие действия в отношении представителей оппозиции и уменьшение богатства среди традиционной политико-экономической элиты не могли не вызвать сильного недовольства существующим положением дел. По факту происходило сужение базы бенефициаров правящего режима [Aslund, 2015, p.90; Kudelia, 2014, p 22; Wilson, 2014, p. 53].

С одной стороны, ситуация довольно типичная для современных политических систем, но с другой, многие существующие подходы к этой проблеме движутся в бинарном ключе – либо сильное государство, либо «захват государства» («state capture»). При этом сильное государство (чтобы это ни значило) полагается потенциальным условием для гарантии прав собственности и всеобщего процветания (см., напр. [Тилли, 2007]), однако реализация таких потенциалов не везде происходит. Другие же подходы, выполненные, например, в рамках теории неоинституционализма (Асемоглу, Робинсон, Норт и др.), будь то теории государств открытого или закрытого доступа, с инклюзивными или эксклюзивными институтами, также не имеют успеха в объяснении причин различной политической динамики в рамках одного типа государств. Так, например, используя упомянутые теории неоинституционализма, Украина и Россия оказываются на одном полюсе (в различной степени), однако совершенно очевидно, что политическая динамика этих стран кардинально различается. С одной стороны мы имеем достаточно неустойчивое и слабое государство, с другой относительно сильное государство и высокую степень стабильности.

Ответ на вопрос, что имеет Россия такого, чего не имеет Украина, лежит в плоскости взаимоотношений государства и экономических элит. Есть теории патримониализма в различных его вариациях (о развитии и критике этого концепта см., напр. [Erdman, Engel, 2007; Fisun, 2012; Pyin, 2015]). Обобщенно, не вдаваясь в дискуссии, мы можем определить патримониализм как политическую систему, в которой доминируют клиентизм и патронализм при рационально-бюрократическом фасаде. Но и здесь мы наблюдаем схожую картину, как при использовании ранее упомянутых теорий – режимы Украины и России оказываются подчинены одной и той же логике и одним и тем же механизмам функционирования. Однако даже если и в рамках неопатримониального правления вводятся различия, позволяющие объяснить разницу между политической динамикой Украины и России, то их истоки видятся только в политической плоскости (см. одну из последних крупных работ в этой области [Hale, 2015]). Теория, которая объяснит различную политическую динамику внешне схожих стран, может быть построена только на синтезе различных подходов и с преодолением классической дихотомии, существующей в упомянутых теориях. Прежде всего, мы предлагаем трактовать государство, как это и принято в макросоциологии, в рамках state-centered theory [Skocpol, 1979, p. 24-32; Collins, 1999, p. 19-37] как организацию, интересы которой не сводятся к интересам господствующих групп, в первую очередь экономических. Различная динамика Украины и России в XXI веке, при значительной схожести во многих частных аспектах, обусловлена тем, что значительные экономические ресурсы концентрируются либо в

руках государства, либо в руках экономических элит. Приведем яркий и характерный пример: согласно данным Форбс [Forbes, 2013 b], на долю выручки 10 крупнейших частных предприятий Украины в 2012 приходилось 27% (26,78%) от ВВП страны за тот же год, а на сотню уже 72% (71,79%). В России же на 2017 год [Forbes, 2018 a] на выручку 100 крупнейших частных предприятий приходилось 33% (32,57%) от ВВП страны, зато на выручку 10 государственных предприятий [Forbes, 2018 b] пришлось 22%. О чем говорят эти цифры? О том, что капитал украинской экономической элиты был сильно концентрированным, и имея такие материальные ресурсы, они могли оказывать значительное влияние на политику государства.

Россия

К чему привела концентрация таких ресурсов в руках государства в России, а так же, как так получилось, что в 1990-х в России доминировала олигархия, а в 2000-е уже государство?

После распада СССР, вне зависимости от того, была ли Россия рухнувшим государством [Волков, 2005], или же это был «захват государства» олигархией [Fisun, 2012], к концу 1990х было совершенно очевидно, что система функционирования государства нуждается в реформировании и в первую очередь в аспекте взаимоотношений с экономическими элитами. С приходом к власти В.В. Путина, как полагают некоторые исследователи, был создан новый вариант взаимодействия с олигархией и он даже имеет конкретную дату – 28 июля 2000 года. Новоизбранный президент встретился с представителями крупного бизнеса в Кремле и был заключен так называемый «пакт 28 июля». Основным итогом этой встречи и заключенного «пакта» можно свести к тому, что олигархи платят налоги и не вмешиваются в принятие политических решений, а государство, в свою очередь, не вмешивается в дела бизнеса (Волков 2010). Однако через несколько лет началось «дело ЮКОСа», а затем произошли продажа Абрамовичем Сибнефти Газпрому, продажа Руснефти связанному с Кремлем Олегу Дерипаске, поглощение Роснефтью ТНК-ВР и многие подобные случаи [Gans-Morse, 2012; Hanson, 2009].

Как показывают современные исследования, есть значимые основания полагать, что причины, запускающие процессы национализации сильно связаны с повышением цен на нефть [Guriev at al. 2011]. Но такая закономерность наблюдается в условиях плохих институтов, то есть слабого развития демократических начал и неэффективного менеджмента.

В России в начале этого века мы наблюдали следующую картину – сначала государство пыталось «договариваться» с крупным бизнесом, а затем оно начало поглощать его. Но такие процессы, в условиях плохих институтов, имеют ряд следствий. При росте цен на нефть, государства (со слабыми институтами), в которых значимую долю в доходах имеет ее экспорт, имеют тенденцию к уменьшению уровня демократии и, соответственно, росту авторитарных начал и усилению репрессивного аппарата [Wiens et al., 2014; Tsui 2011; DeMeritt & Young, 2013]. Отсутствие эффективных механизмов контроля дает реализоваться соблазну перераспределения ресурсов в пользу ограниченного количества участников и формирует рентоориентированное поведение, которое, собственно, и приводит к национализации [Aligica, Tarko, 2012]. Но рентоориентированность тормозит увеличение эффективности производства, так как основная цель – получить ресурсы без учета долгосрочных перспектив, что, в свою очередь, приводит к стагнации и хорошо подтверждается при анализе ситуации в современной России [Hanson, 2009]. Как это связано с ранее упомянутой тенденцией к автократии? Желая защитить источники ренты от «чужаков», рентоориентированные игроки (государство) стремятся снизить возможности претендентов, не связанных с узким кругом нынешних «бенефициаров», через ограничение как политических свобод, так и экономической конкуренции [Arezki & Brückner, 2011]. Доминирование государства над частным бизнесом, в первую очередь крупным, приводит к тому, что в политической экономике называется хищническим государством. «Ключевым элементом хищнического государства является то, что бюрократы создают или поддерживают чрезмерные требования (*excessive regulations*), которые вынуждают фирмы давать взятки, чтобы сократить бюрократические процедуры, получить необходимые разрешения или избежать штрафов и санкций» [Gans-Morse, 2012: 283].

Стремление ограничить доступ «чужаков» в систему порождает собой проблему компетентности назначаемых, то есть «включаемых» в группу игроков. В рамках институциональной экономики была создана модель «диктатора и его визиря», которую можно описать как дилемму выбора диктатором компетентного или лояльного визиря. С одной стороны компетентный назначенец будет увеличивать эффективность, но в то же самое время он может выступить против диктатора, когда увидит признаки его ослабления, а потому, в целях сохранения своей позиции, диктатор будет назначать лояльных людей, но в ущерб компетентности, то есть эффективности [Egorov & Sonin, 2011]. Такая схема принятия решений при назначениях будет наблюдаться не только в высших эшелонах власти, но на всех степенях бюрократической иерархии.

Описанная выше логика развития современной России привела к тому, что в политической науке называют «неопатримониализмом», выделяя такие его характеристики [Fisun, 2012: 91]:

формирование группы рентоориентированных бюрократов (если говорить применительно к России),

использование внеэкономических средств для достижения экономических целей,

использование административного ресурса для уменьшения конкуренции (политической и экономической),

превалирование патрон-клиентских отношений.

Неопатримониализм различается в своем многообразии и может принимать формы как «state capture», так и «predatory state», однако при втором варианте неизбежным сопутствующим условием становится усиление силовых ведомств. Если усиление силовых структур внутри страны легко объяснимы с точки зрения неопатримониализма – необходимость охранять полученное, запугивать конкурентов, бороться с нелояльными, то еще одним неожиданным следствием этого процесса становится усиление военных.

Как показывают статистические исследования [Colgan 2014; Hendrix 2015], увеличение цен на нефть в петрократиях (государствах, в которых большую роль в доходах играет экспорт нефти) увеличивает вероятность более агрессивного поведения на международной арене. Несмотря на то, что конкретные механизмы еще недостаточно исследованы [Hendrix, 2015: 18], очевидно, что «внезапно» ставшие богатыми государства становятся более уверенными в своих силах и начинают отстаивать интересы, которые могут потребовать значимых дополнительных расходов. Появление «свободных» денег, при отсутствии демократической системы сдержек и противовесов, позволяет государствам вести себя более агрессивно на внешней арене по многим причинам. Одной из главных является легитимация режима, на что еще указывал Макс Вебер – внешнеполитические успехи способствуют росту легитимности режима внутри страны, ярким примером чего может служить присоединение Крыма в 2014 г.

Значимым следствием всей вышеописанной динамики стала излишняя «воинственность» России, которая стала идти вразрез с экономическими соображениями [Male, 2016; Yakovlev, 2016], что хорошо видно на графике:

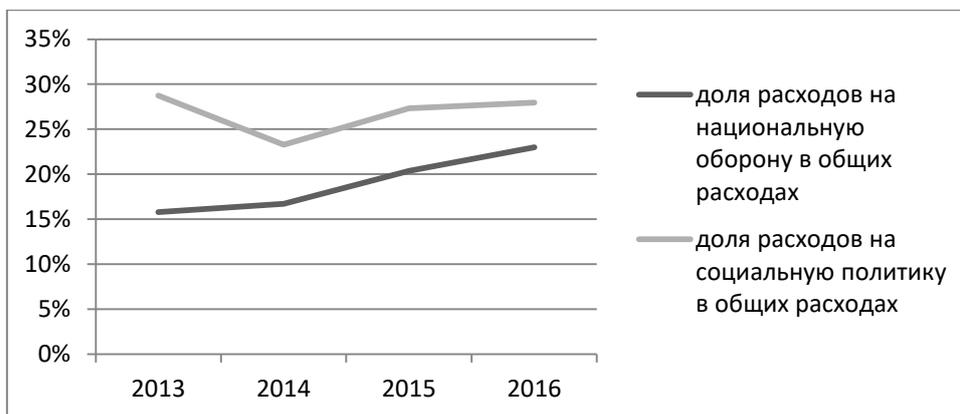

Рис.1. Сопоставление двух расходных частей бюджета от общей суммы расходов²

Здесь уместно указать на способ взаимодействия как внутри самих государственных структур, так и экономических элит с государством. Как подчеркивалось нами ранее – отношения носили патрон-клиентский характер. Учитывая опыт СССР и некоторых постсоветских страны, мы можем сформулировать следующие категории анализа в рамках патримониальных отношений:

Сильное государство – политически стабильное и со значительной степенью сплоченности административных элит

Слабое государство – политически неустойчивое с разобщенными административными элитами

Сильные экономические элиты – значительная концентрация ресурсов в руках узкой группы людей

Слабые экономические элиты – отсутствует значительная концентрация ресурсов среди узкой прослойки населения

В итоге мы можем составить такую таблицу:

	Сильное государство	Слабое государство
Сильные элиты	Пат	«захват государства»
Слабые элиты	Доминирование бюрократии	Неустойчивое развитие

Пояснения:

Патовая ситуация, как правило, складывается редко и возможны два варианта – взаимные уступки и в итоге развитие демократии, либо победа одной из сторон

²Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2013 -2016 гг.

«Захват государства» – то, что А. Фисун называет олигархическим неопатримониализмом, т.е. влияние узких групп с реонтоориентированным поведением [Fisun, 2012, p. 94]

Доминирование бюрократии – засилье представителей силовых структур, государство вмешивается в частный бизнес (особенно крупный)

Неустойчивое развитие – слабые экономические и государственные структуры, что приводит к конфликтам и криминализации ввиду недостаточной силы государства принуждать. Данная ситуация близка к тому, что Чарльз Тилли назвал «демократическое государство с низким потенциалом» [Тилли, 2007, с.37].

Вывод:

В Украине, как мы видим, сложилась ситуация второго типа, там экономические элиты активно влияли на политику. Однако Янукович попытался освободиться от их влияния, но вместо попытки усиления государственных структур (как это произошло в России), он попытался создать свой клан. Примеры «неожиданного» резкого увеличения состояния приближенных к президенту и не только сына, но и, например, молодого С. Курченко, подтверждают такую трактовку. Однако «семье» не удалось переподчинить себе средства массовой информации, которые находились в руках соперников или оппонентов, которые и стали главным механизмом для массовой мобилизации. Сейчас трудно сказать, произошло бы нечто подобное, не будь идеи подписания Соглашения, однако все сказанное ранее позволяет с большой долей вероятности утверждать, что это был лишь повод, а не реальная причина.

В России же сложилась ситуация третьего типа, когда бизнес оказался практически полностью подчинен государству и не имеет практически никаких формальных рычагов воздействия. Учитывая авторитарную систему нашей страны, государство оказалось практически полностью "бесконтрольным", так как ни общество, ни крупный частный бизнес не может практически никак повлиять на выбранный руководством страны курс. "Свобода рук" привела к активной внешней политике (Крым, Сирия, Венесуэла и т.д.), которая изначально стала мощным источником легитимации существующего внутри страны порядка, но в долгосрочной перспективе привела к несбалансированному бюджету, массовому недовольству и даже недовольству олигархов (пока еще выраженному слабо).

Заключение

Подводя итог, мы можем очертить следующие механизмы государственной дезинтеграции. Последняя возможность сохранения государства теряется при полной делегитимации власти и режима, которая особенно часто наступает при авторитаризме в результате конфликта элит (социальный уровень). Конечно, делегитимация не наступает только от конфликта элит, однако она и невозможна при монолитности режима, т.к. при единстве элит трудно будет дать возможность «политической культуре восстания и оппозиции» реализовать себя.

Таким образом, конфликт элит является необходимейшим компонентом при распаде государства, другой вопрос – достаточно ли его?

Конфликт элит, вызываемый нехваткой различных ресурсов, как материальных, так и символических, имеет как минимум два различных источника. Первый – геополитическое перенапряжение, когда государство тратит значительную часть ресурсов на охрану своих границ и на завоевание новых территорий. Второй – перепроизводство и «деградация» элит, когда элитных позиций недостаточно, и/или когда элита стремится увеличить владение ресурсами, которыми государство не располагает в достаточной мере.

Различные причины, на наш взгляд, будут вызваны различным положением элиты относительно государства: либо элиты подчинены государству, либо независимы от него.